

## ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию

Тризно Оксаны Александровны

на тему «Образ Франции в русской словесности XVIII – первой половины

XIX вв.: мотивы, образы, концепты»

по специальности 10. 01. 01 – русская литература

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

В своей диссертации О.А.Тризно обращается к одному из важнейших аспектов межкультурного диалога – истории формирования в русской словесности устойчивых образов других культур, в данном случае, французской. Актуальность этой темы трудно переоценить: несмотря на популярность вопроса о месте русской литературы в европейском культурном пространстве, серьезных и подробных исследований на эти темы выполняется немного, и нередко научное осмысление проблемы уступает место неотрефлексированным стереотипам. Ограничив свое исследование ясными историческими рамками и определенным кругом текстов, автор диссертации создает условия для действительно продуктивного описания долгой и сложной истории рецепции французской культуры в России.

Формулировка самой темы и поставленных задач подчеркивает ориентацию не на традиционные исследования литературных влияний, а на имагологию, что предполагает описание именно некоего единого «образа Франции», то есть не французской литературы и культуры, а максимально широко понятого комплекса представлений об условной «французской» идентичности. Автор стремится показать, как эти ментальные структуры воплощаются в словесном искусстве. Способы воплощения описываются в работе с помощью сразу трех терминов – «мотив», «образ» и «концепт», что создает некоторую неясность, но в контексте, как правило, становится понятно, что имеется в виду. Несомненное достоинство диссертации в том, что, касаясь вопросов, которые сейчас особенно популярны в сфере истории и культурной

антропологии, автор сохраняет внимание к конкретным текстам и к собственно литературоведческой стороне проблемы, которая нередко уходит на второй план в междисциплинарных исследованиях. При этом в качестве материала фигурируют тексты очень разноплановые: художественные произведения (драматические и повествовательные), травелоги, мемуары, «письма», дневники. Их масштаб, эстетическая природа, место в литературном процессе выносятся за скобки с тем, чтобы сосредоточиться на одной тематической линии. Такой подход, безусловно, актуален в современной науке (и в этом плане работа методологически ближе к экспериментам школы «нового историзма», чем к заявленным структурно-семиотическим методам), но, пожалуй, стоило бы более подробно остановиться на мотивации отбора материала.

Сочетание «панорамного» обзора разных уровней словесности с внимательным рассмотрением отдельных повторяющихся деталей и риторических элементов обеспечивает и научную новизну исследования. Новизна заключается также в самом намерении последовательно реконструировать целую имагологическую систему, которая, как достаточно убедительно показывает автор, складывается из множества частных эпизодов диалога культур. Самостоятельность исследования не вызывает сомнений: как справедливо отмечает автор, существующие исследования русско-французских культурных трансферов в основном далеки от решения такой амбициозной задачи. Ее вряд ли можно в полной мере решить в рамках одной кандидатской диссертации, но проделанная автором работа уже дала значимые результаты.

Текст диссертации обладает очевидным внутренним единством: композиция работы подчинена оригинальной авторской идее сопоставить две противоположные стратегии репрезентации в текстах русской культуры образов Франции – «смеховую» и «серьезную». Гипотеза, которую доказывает автор, заключается в том, что от конца XVIII к середине XIX века росла «серьезность» восприятия Франции русскими авторами, и ключевая роль в этом процессе отводится текстам Карамзина.

В первой главе предложена интересная интерпретация одного, на первый взгляд, узкого типажа русской комедиографии XVIII века – комического галломана. Автор обращает внимание на то, что, несмотря на очевидную значимость в эту эпоху французской философской, научной и художественной словесности, высокая культура и просветительские идеи не маркируются в русских текстах как французские, а понимаются как универсальные. Это, естественно, вполне соответствует духу европейской просветительской культуры и риторике этого времени (французской в том числе), но создает примечательный парадокс: о собственно Франции и французах говорится только в комическом контексте, и не напрямую, а только как об образце для подражания, который используют карикатурные персонажи. Иронии у Фонвизина и Княжнина подвергается, следовательно, не французская идентичность, а ее фетишизация. Прделанный О.А.Тризно анализ показывает, как в разных текстах природа «галломании» постоянно интерпретируется как победа поверхности над глубиной, внешнего над внутренним и т.д. Особенно важно здесь, что одновременно в этом же ряду оказывается заикленность на слове, говорении, «тотальная коммуникация», как это определяет автор. Если не сама французская культура, то сделанный из нее фетиш, следовательно, функционирует четко по законам профанации. В своем исследовании комического автор опирается большей частью на классическую модель смеховой культуры Древней Руси Д.С.Лихачева, бахтинскую концепцию народной смеховой культуры и идеи А.Бергсона об общей природе смеха. Хотя такой выбор фундамента понятен и оправдан, работе все же не хватает минимальной рефлексии о самом жанре комедии в той форме, в которой он существует в русской литературе XVIII в. Оппозиция глубины и поверхности, пустые персонажи-подражатели, которые пытаются с помощью внешних деталей, и особенно с помощью речевых маркеров, сменить свой статус – вполне нормативный элемент европейской классицистической комедии (достаточно вспомнить «Мещанина во дворянстве»), и это можно считать не

менее важным источником, чем внутренние процессы в русской смеховой традиции или самые общие свойства смеха.

Как и следовало ожидать, в работе много внимания уделяется сюжету путешествия во Францию – как вымышленных персонажей, так и авторов документальных травелогов. В первой главе отмечается, что во многих текстах XVIII века изображение путешествия накладывается на готовую модель паломнического текста и часто за счет разрушения этой модели снова приобретает черты комедийной профанации. Комические персонажи проходят в результате путешествия во Францию через некую фальшивую трансформацию, теряя содержание и превращаясь в очередную версию галломана. Автор называет этот эффект «редукцией» фигуры путешествующего и считает «логическим завершением тенденции» (с. 58) пушкинскую поэму «Граф Нулин», в которой «пустой» герой, как мы знаем, тоже вернулся из французского вояжа. Однако, если в других примерах можно увидеть намек на разной степени «утрату». «убыток» как результат поездки, то граф Нулин в этом ряду вызывает сомнение: из текста, на наш взгляд, никак не следует, что до путешествия он обладал каким бы то ни было содержанием, которое можно было бы редуцировать (утрата упоминается только в материальном смысле, как промотанные деньги). Может быть, Пушкин играет с готовым стереотипом «путешествия как утраты себя» и строит уже метапародию?

Для имагогологических изысканий именно первая глава работы в целом представляется наиболее результативной. Автор показывает, что в межкультурных контактах огромную роль играет не только собственно прямое взаимодействие, но и реакция на борьбу за господство, культурную экспансию, моду. Франция часто воспринимается и изображается в XVIII веке как доминирующая сила, присвоившая себе право распределять статусы; галломания в ее комической версии показана поэтому как продукт стремления к подчинению, а не искреннего интереса к чужой культуре или попыток наладить диалог. Соответственно, ирония по поводу идеализации Франции и моды на все французское, особенно у Фонвизина, как прекрасно показано в

диссертации, функционирует как необходимый элемент самоосознания русской культуры.

Вторая глава демонстрирует различные грани «серьезного» восприятия Франции в художественных и документальных текстах. Автор отводит ведущую роль «Письмам русского путешественника»: по сути, получается, что в тексте Карамзина заданы едва ли не все основные стереотипы изображения французской культуры на русском языке; без сомнения, это значимый вывод для дальнейшего научного осмысления места этого текста в истории русской литературы. Затрагивается также целый ряд текстов разного времени, так или иначе связанных с описанием путешествия русского человека по Франции (тексты А.И.Тургенева, П.А.Вяземского, Н.И.Греча, П.В.Анненкова, Н.А.Бестужева, а также повесть Гоголя «Рим»).

Наиболее перспективным и в то же время наиболее сложным представляется раздел, в котором описывается то, что автор называет «концептом слова», семантическая структура которого состоит из четырех элементов (акциональность, наиндивидуальность, монологичность, профанность). Именно этот аспект связывает вместе первую и вторую части исследования: в комической интерпретации «французской темы» тоже делался акцент на особенностях речи и сверхзначимости слова и вербальной коммуникации. Под «словом» здесь понимается скорее риторика, определенная организация речевого поведения, характерная для носителей французской культуры и для их карикатурных имитаторов. Отметим, что гипертрофированная риторичность французской культуры, ее стремление к тотальной вербализации, одержимость речевым этикетом – это именно те свойства, которые чаще всего упоминаются при любой серьезной попытке описать специфику Франции в общеевропейском культурном поле, как со стороны, так и изнутри. Автор диссертации, таким образом, доказывает, что на сравнительно раннем этапе русско-французского диалога уже складывается устойчивый идеологический комплекс, который вполне совпадает у русских

писателей с их западными коллегами (то есть они распознают во Франции те же характеристики, что и, к примеру, англичане или сами французы).

Вместе с тем, одна важная тема того же порядка в диссертации игнорируется. Автор тщательно анализирует разнообразные константы, репрезентирующие Францию и Париж в русских текстах, и строит развернутую концепцию игровой модели Франции в русской рецепции, опираясь на общие концепции «человека играющего» Й.Хейзинги и искусства как игры Х.-Г.Гадамера (которого, заметим, лучше было бы цитировать напрямую и включить в библиографию). Анализ выполнен тонко, многие наблюдения представляют большой интерес, но немного удивляет, что в работе никак не учитывается роль романтизма как эстетической парадигмы и вообще историко-литературная специфика рассматриваемых текстов. Кроме того, все мотивы, выявленные автором в русских текстах о Франции, написанных в 1820-е – 1840-е гг. как компоненты русского образа Франции, типичны для французской художественной прозы этого времени. Толпа и наблюдение со стороны за толпой, маскарад, театральность и праздничность Парижа (в том числе с негативными коннотациями), иллюзии и миражи в привязке именно к характеристикам современной французской жизни, зеркала, стекла, оптические эффекты – все это стандартные мотивы Мюссе, Бальзака, Гюго, Санд и т.д.. Возникает в таком случае вопрос, в какой мере, с точки зрения автора, восприятие русскими писателями Франции как «ментально-географического» конструкта задается влиянием на них литературных тенденций эпохи и саморефлексии французской культуры.

В последнем разделе второй главы появляются диахронические нюансы, без которых, конечно, невозможен образ Франции XIX века. Автор справедливо подчеркивает, что исторический слом нашел свое отражение во многих русских текстах, и привел к формированию двойственного образа прежней и нынешней Франции. Отметим еще раз, что это противопоставление, элегическое в своей основе, также прекрасно вписывается в романтическую логику, то есть управляется, возможно, не только осмыслением социальной

истории, но и законами исторической поэтики. Эта часть исследования кажется недостаточно развернутой: желание автора охватить сразу большой диапазон текстов мешает проследить все нюансы трансформаций диахронного образа Франции. Когда в контексте реакций на французскую историю на соседних страницах оказываются фрагменты текстов Карамзина, Пушкина, Гоголя и повести Бестужева «Русские в Париже в 1814 году», особенно сильно ощущается нехватка детализации.

Высказанные замечания относятся преимущественно к самым перспективным направлениям исследования О.А.Тризно и могут рассматриваться как предложения продолжить работу с выбранной темой. Диссертация хорошо вписывается в общую логику актуальной имагологической рефлексии, включая те формы изучения русско-европейского культурного диалога, которые развивают в настоящее время томские ученые на материале образов Италии и Германии в русской культуре. Несмотря на очевидную значимость Франции как партнера по культурному обмену для русской словесности, тема русского взгляда на французскую культуру нуждается в большем научном внимании, и диссертацию О.А.Тризно можно признать важным шагом в ее разработке.

Полученные диссертанткой результаты вполне обоснованны и достоверны, могут быть применены в практике научной и педагогической работы. Исследование помогает увидеть в истории русской литературы конца XVIII – первой половины XIX вв. единую стратегию самопознания через сопоставление с влиятельной чужой культурой. Наблюдения автора по поводу документальных текстов эпохи полезны для воссоздания максимально полной картины русской словесной культуры. Прделанная в работе реконструкция одной из стадий русско-французского диалога может использоваться в исследованиях и учебных курсах по литературной компаративистике.

Научные результаты диссертации опубликованы в рецензируемых журналах и других научных изданиях; автореферат адекватно отражает содержание работы.

Таким образом, диссертация «Образ Франции в русской словесности XVIII – первой половины XIX вв.: мотивы, образы, концепты» представляет собой научно-квалификационную работу, в которой содержится решение задачи выявления универсальных устойчивых мотивов и концептов, связанных с образом Франции в русской словесности XVIII – первой половины XIX вв., имеющей значение для развития филологии, а именно литературной компаративистики, имагологии, истории русской литературы, и соответствует требованиям, изложенным в действующем «Положении о присуждении ученых степеней». Автор диссертации Тризно Оксана Александровна заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10. 01. 01 – русская литература.

Официальный оппонент

Ласкина Наталья Олеговна,

кандидат филологических наук,

доцент кафедры русской литературы и теории литературы

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение

высшего профессионального образования «Новосибирский государственный педагогический университет»

630126 г.Новосибирск, ул. Вилюйская-28,

тел. (383)244-10-72

e-mail: n-laskina@yandex.ru

26 ноября 2014 г.

